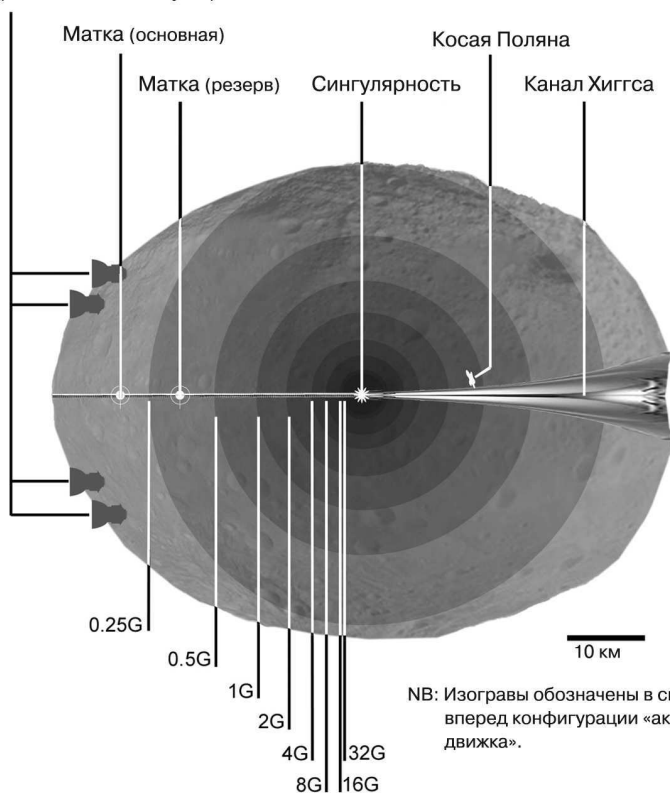

Администрация Диаспоры Объединенных Наций

Эриофора

Гравпрофиль

Ньютоновские
ракетные двигатели
(списаны после запуска)

ОТЧАЯННАЯ

«**П**ойми: ты сама должна сделать выбор». Они постоянно говорили, что я могу уйти. Говорили, когда тянули астероиды за Марс; и снова, когда зарылись в камни, как стальные термиты, бурили там пещеры и туннели, создавали леса, трюмы и системы жизнеобеспечения, рассчитанные на срок эксплуатации больше, чем у Солнца. Особенно не унимались после фиаско с L4, когда во время тестирования сингулярность сорвалась с цепи. Никто даже не заикался об отмене проекта — хотя магия, на которой он зиждился, только что съела половину фабричного уровня вместе с четвертью пропульсивной группы — но в результате трагедии АДОН, кажется, решила, что напомнить нам о выходе будет особенно важно.

«Это твое решение. Никто не примет его за тебя».

Я смеялась им в лицо, как только достаточно выросла и поняла всю иронию. Нас тренировали и корректировали для миссии еще до нашего рождения: моих родителей растили так же тщательно, как и меня. За тридцать лет до зачатия я была обречена на путешествие к звездам. Я хотела отправиться в путь, я была так

сконструирована; и никакого другого способа жить не знала.

И тем не менее. Мы же цивилизованное общество, разве нет? У нас не забривают людей против их воли, пусть саму концепцию «воли» уже лет сто как считают смехотворной. Мне дают столько возможностей уйти, так как потом отказаться не получится, а полет будет настолько долгим, что времени на сожаления хватит презрительно. Как только «Эриофора» отправится в путь, дороги назад не будет.

Так что только я могу принять это решение. Только так они будут ни в чем не виноваты.

Восемнадцать лет муштры, оболванивания и сопротивления, почти два десятилетия я то принимала свою участь, то боролась с ней, и все же, полагаю, они не ожидали такого ответа, когда в последний раз открыли этот нужный всем аварийный люк.

«Ты точно уверена?»

— Дайте мне пару месяцев, — сказала я. — Я вам сообщу.

Может, нас и сконструировали для звезд. Сконструировали веселиться в одиночестве, а все плейстоценовые социальные схемы укротили, подрезали и просеяли до основания. Мы родились из племени, но были созданы покинуть его, даже не оглянувшись напоследок. По проекту я могу скучать лишь по горстке людей, а их всех отправят со мной, в глубокий космос.

А вот по Солнечной системе я буду путешествовать одна. Этот полет мне придется совершить в одиноче-

стве. Всего-то небольшой транзит, мгновение ока по сравнению с путешествием, маячащим на горизонте. И все равно по какой-то причине мне хочется попроситься.

Я едва успеваю на уходящий шаттл. Все верчу в голове возможные сценарии: что я скажу, что — он, какой контраргумент лучше всего выбрать в ответ на его доводы, — а расстояние уменьшается, Луна сжимается за кормой, а прямо впереди расширяется розетка, словно передо мной жонглирует сам Господь Бог. Горы в космосе. Иззубренные крохотные мирки из никеля, железа и кровоточащего базальта, детали поверхности то появляются, то исчезают, пока планетки неторопливо вращаются с массивной торжественностью: посадочные площадки и стыковочные шлюзы; двигатели размером с города, созданные лишь ради нескольких часов раскаленной добела тяги; огромная беззубая пасть перед каждым кораблем, глотка, способная проглотить робкие сингулярности, которые и будут вести нас вперед, когда реактивные движки остынут и умрут.

По левому борту проплывает «Крестовик», его отвесный утес так близко, что, кажется, можно потрогать. По правому — «Мастофора». «Эриофора» не проплывает: она растет прямо передо мной, ее скалистое серое лицо затмевает звезды.

Мы пристыковываемся.

Я спрашиваю Шимпа, где находится Кай: машина кидает прозрачную карту по местному линку

и зажигает искорку в лесах. Кай сидит там, как тень в сумерках, чуть ли не парит в слабой гравитации, его озаряет лишь тусклая галактика в синем смещении, галактика биолюминесцентной растительной жизни.

Когда я приближаюсь, он кивает, но не поворачивается.

— Продуктивность на шестьдесят процентов. Если надо, можем отчаливать прямо сейчас. Кислород не кончится.

— Людям нужен не только воздух,— напоминаю я ему.

Он не спорит, хотя понимает, к чему я клоню.

Какое-то время мы сидим молча, задумавшись посреди леса из ветвящихся скелетных рук, тонких и хилых пальцев, увесистых бурдюков, мерцающих чахлым светом от симбиотических бактерий. Я с семи лет могла отбарабанить все цифры об объемах, люменах и интенсивности метаболизма, но где-то глубоко в подкорке по-прежнему отказываюсь верить, что эта тусклая подземная система сможет продержаться нас хотя бы неделю, не говоря уж о путешествии до конца времен. Фотосинтез под звездным светом. Только и всего. Тут же и муравью не хватит.

Правда, муравьи свой кислород в запас не списывают. Хватит и звездного света, если за тысячу лет дышишь только одну неделю.

— Ну что,— говорит Кай.— Решила повеселиться на Солнце?

— О да.

— Три месяца. Сто пятьдесят миллионов километров. И все ради дешевого фокуса.

— Два максимум. В зависимости от цикла. И дело не в фокусах, ты и сам прекрасно об этом знаешь.

Он качает головой:

— Что ты пытаешься доказать, Сандей?

— Что они правы. Что я могу уйти, если захочу.

— Ты пытаешься это доказать всю свою жизнь. Ты могла уйти уже миллионы раз. Но факт в том, что ты не хочешь.

— Дело не в том, чего я хочу. А в том, что случится, если откажусь.

И тут я понимаю. «Ты боишься, что моя безумная затея сработает. Боишься, что сейчас у меня все получится».

Его силуэт двигается рядом со мной. Свет от ближайшего фотофора падает Каю на скулу.

— Иногда тела начинают... просто действовать, ну, сама понимаешь. А люди внутри даже не могут сказать почему. Говорят, в них словно кто-то вселился. Синдром чужого тела,— он тихо фыркает.— Свобода воли, как же. Скорее ровно наоборот.

— Это не ТКМС¹. Это...

— Ты заходишь с одной стороны, нечто иное выходит с другой, но что это доказывает? Если, конечно, хоть что-то выйдет,— Кай решил увеличить количество сценариев.— Если предположить, что корабль не взорвется.

---

¹ Транскраниальная магнитная стимуляция.— *Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.*

— Да ладно тебе. Как, по-твоему, они бы удержались на плаву, если бы отправляли людей на самоубийство?

— А они еще не так долго на плаву. Мы им когда движок продали, шесть лет назад? И они, наверное, год возились, крутили-вертели, заставляли его работать так, как не было предусмотрено...

Я говорю:

— Вот именно поэтому я и лечу туда.

Он только смотрит на меня.

— Откуда ты вообще знаешь об этом? Я же тебе никогда не говорила о том, что у меня на уме. Может, упоминала раз или два, что мне любопытно, когда они еще только купили прототип. И теперь я прилетаю сюда, а у тебя уже все доводы наготове. И хуже того, я знала, что ты так сделаешь,— я качаю головой.— Тебя не тревожит, что ты настолько предсказуемый?

— В общем, ты взболтаешь себе мозги, на какое-то время станешь настоящей криптограммой, и что это тебе даст? Если перетасовать колоду карт, они обретут свободу воли? Ты так считаешь? — Кай качает головой.— В эту хрень никто не верит уже сотню лет. Пока кто-нибудь не найдет нейрон, который включается сам по себе, мы все просто... будем реагировать и ничего больше.

— Значит, такое у тебя решение? Мы все детерминистские системы, и потому пусть начальство дергает нас за ниточки?

Он пожимает плечами:

— У начальства тоже есть ниточки.

— Но даже если я всего лишь перетасую колоду, что плохого побыть непредсказуемой в кои-то веки?

— Ничего. Я просто считаю, что не стоит принимать самое важное решение в своей жизни, бросив кости.

«Мне страшно, Кай,— вот что я хочу сказать.— Меня пугает одна мысль о жизни, нарезанной на такие тонкие полоски. И с каждой новой полоской мы будем на световые года отдаляться от дома и на целые столетия приближаться к тепловой смерти. И я хочу этого. Хочу так же, как и ты, но полет пугает меня, а еще больше пугает то, что я чувствую страх. Разве меня не сконструировали быть выше этого? Разве у меня не должно быть иммунитета к сомнению? Где еще они напортачили?»

— Считаю это,— я тоже пожимаю плечами,— не знаю, пунктом из контрольной проверки перед полетом. Где-то между «синхронизировать поле смещения» и «упаковать зубную щетку». Чистая рутина. Что может пойти не так?

Даже по силуэту Кая видно, как он поморщился.

— Если не считать, что ты испаришься, упав на Солнце? Или в этом...

«...весь смысл?» Он не договаривает, но по неожиданному наклону головы я понимаю, что Кай смотрит на мои запястья. Думает, не решила ли я таким сложным способом смотреть удочки, попытаться снова, уже без посторонних...

— Ты же не настолько глупый,— я наклоняюсь, целую его в щеку, а он не отодвигается. Уже прогресс.— Солнце погибнет задолго до того, как мы умрем. Мы переживем всю эту треклятую галактику.